

Рассказы о ведьмах

1.

Поздним вечером приехал один казак в село, остановился у крайней избы и стал проситься: «Эй, хозяин, пусти переночевать!» — «Ступай, коли смерти не боишься». — «Что за речь такая!» — думает казак, поставил коня в сарай, дал ему корму и идет в избу. Смотрит — и мужики, и бабы, и малые ребятишки — все навзрыд плачут да богу молятся; помолились и стали надевать чистые рубашки. «Чего вы плачете?» — спрашивает казак. «Да вишь, — отвечает хозяин, — в нашем селе по ночам смерть ходит, в какую избу ни заглянет — так наутро клади всех жильцов в гроб да вези на погост. Нынешнюю ночь за нами очередь». — «Э, хозяин, не бойся; бог не выдаст, свинья не съест». Хозяева легли спать; а казак себе на уме — и глаз не смыкает.

В самую полночь отворилось окно; у окна показалась ведьма — вся в белом, взяла кропило, просунула руку в избу и только хотела кропить — как вдруг казак размахнул своей саблей и отсек ей руку по самое плечо. Ведьма заохала, завизжала, по-собачьи забрехала и убежала прочь. А казак поднял отрубленную руку, спрятал в свою шинель, кровь замыл и лег спать. Поутру проснулись хозяева, смотрят — все до единого живы-здоровы, и нескáзанно обрадовались. «Хотите, — говорит казак, — я вам смерть покажу? Соберите скорей всех сотников и десятников да пойдете ее по селу искать». Тотчас собрались все сотники и десятники и пошли по домам; там нету, здесь нету, наконец добрались до пономарской избы. «Вся, ли семья твоя здесь налицо?» — спрашивает казак. «Нет, родимый! Одна дочка больна, на печи лежит». Казак глянул на печь, а у девки рука отсечена; тут он объявил все, как было, вынул и показал отрубленную руку. Мир наградил казака деньгами, а эту ведьму присудил утопить.

2.

В некотором королевстве жил-был король; у этого короля была дочь волшебница. При королевском дворе проживал поп, а у попа был сынок десяти лет и каждый день ходил к одной старушке — грамоте учиться. Раз случилось ему поздно вечером идти с ученья; проходя мимо дворца, глянул

он на одно окошечко. У того окошечка сидит королева, убирается: сняла с себя голову, мылом намылила, чистой водой вымыла, волосы гребнем расчесала, заплела косу и надела потом голову на старое место. Мальчик диву дался: «Вишь какая хитрая! Прямая колдунья!» Воротился домой и стал всем рассказывать, как он королеву без головы видел. Вдруг расхворалась-разболелась королевская дочь, призвала отца и стала ему наказывать: «Если я помру, то заставьте поповского сына три ночи сряду надо мною псалтырь читать». Померла королева, положили ее в гроб и вынесли в церковь. Король призывает попа: «Есть у тебя сын?» — «Есть, ваше величество». — «Пусть, — говорит, — читает над моей дочерью псалтырь три ночи сряду». Поп воротился домой и велел сыну изготавиться.

Утром пошел попович учиться и сидит над книгою такой скучный. «О чем запечалился?» — спрашивает его старушка. «Как мне не печалиться, коли я совсем пропал?» — «Да что с тобой? Говори толком». — «Так и так, бабушка! Надо читать над королевною, а она ведь колдунья!» — «Я прежде тебя это ведала! Только не бойся, вот тебе ножик; когда придешь в церковь, очерти около себя круг, читай псалтырь да назад не оглядывайся. Что бы там ни было, какие бы страсти ни представлялись — знай свое, читай да читай! А если назад оглянешься — совсем пропадешь!» Вечером пришел мальчик в церковь, очертил ножом около себя круг и принялся за псалтырь. Пробыло двенадцать часов, с гроба поднялась крышка, королева встала, выбежала и закричала: «А, теперь ты узнаешь, как под моими окнами подсматривать да людям рассказывать!» Стала на поповича бросаться, да никак через круг перейти не может; тут начала она напускать разные страсти; только что ни делала — он все читает да читает, никуда не оглядывается. А как стало светать, бросилась королева в гроб и со всего размаху повалилась в него — как попало!

На другую ночь то же приключилось; попович ничего не убоился, до самого света безостановочно читал, а поутру пошел к старухе. Она спрашивает: «Ну что, видел страсть?» — «Видел, бабушка!» — «Нынче еще страшнее будет! Вот тебе молоток и четыре гвоздя — забей их по четырем углам гроба, а как станешь псалтырь читать — молоток против себя поставь». Вечером пришел попович в церковь и сделал все так, как научила старушка. Пробыло двенадцать часов, гробовая крышка на пол упала, королева встала и начала летать по всем сторонам да грозить поповичу; то напускала большие страсти, а теперь еще больше: чудится поповскому сыну, что в церкви пожар сделался, пламя так все стены и охватило; а он стоит себе да читает, назад не оглядывается. Перед рассветом королева в гроб

бросилась, и тотчас пожара как не бывало — все наваждение сгнуло! Поутру приходит в церковь король, смотрит — гроб открыт, в гробу королева кверху спиной лежит. «Что такое?» — спрашивает мальчика; тот ему рассказал, как и что было. Король приказал забить своей дочери осиновый кол в грудь и зарыть ее в землю, а поповича наградил казною и разными угождями.

3.

Жил-был солдат, служил богу и великому государю пятнадцать годов, ни разу не видался с своими родителями. На ту пору вышел от царя приказ отпускать рядовых для свидания с своими сродственниками по двадцати пяти человек с роты; заодно с другими отпросился и наш солдат и отправился домой на побывку в Киевскую губернию. Долго ли, коротко ли — пришел он в Киев, побывал в лавре, богу помолился, святым мощам поклонился и пошел на родину в ближний уездный город. Шел-шел, вдруг попадается ему навстречу красная девица, из того же уездного города дочь купеческая, собой знатная красавица. Известное дело: коли завидит солдат пригожую девку, ни за что не пройдет просто, а чем-нибудь да зацепит. Так и этот солдат: поравнялся с купеческой дочерью и говорит ей в шутку: «Эх, хороша девушка, да не объезжена!» Отвечает красная девица: «Бог знает, служивый, кто кого объездит: либо ты меня, либо я тебя!» Засмеялась и пошла своей дорогой.

Вот приходит солдат домой, поздоровался с родными и крепко обрадовался, что всех их застал в добром здоровье. Был у него старый дедушка, белый как лунь, лет сто с хвостиком прожил. Стал ему солдат рассказывать: «Ишел я, дедушка, домой, и попалась мне навстречу знатная девица; я — грешный человек — так и так посмеялся над ней, а она мне сказала: бог знает, служивый: либо ты меня объездишь, либо я тебя!» — «Ах, батюшки! Что ж ты наделал; ведь это дочь нашего купца — страшная ведьма! Не одного мблнца свела она с белого свету». — «Ну, я и сам не робкого десятку! Меня не скоро напугаешь; еще поглядим: что бог даст?» — «Нет, внучек, — говорит дед, — если не станешь меня слушать, тебе завтра живому не быть». — «Вот еще беда!» — «Да такая беда, что ты этакой страсти и на службе не видывал...» — «Что ж мне делать, дедушка?» — «А вот что: приготовь узду да возьми толстое осиновое полено и седи в избе — никуда не ходи; ночью она прибежит сюда, и если успеет прежде тебя сказать: стой, мой конь! — в ту ж минуту оборотишься ты жеребцом; она

сядет на тебя верхом и до тех пор будет гонять, пока не заедит тебя до смерти. А если ты успеешь наперед сказать: «тпру! стой, моя кляча!», то она сама делается кобылою, тогда зануздай ее и садись верхом. Она понесет тебя по горам, по долам, а ты знай свое — бей ее осиновым поленом в голову, и до тех пор бей, пока не убьешь до смерти!»

Не чаял солдат такой службы, а нечего делать — послушался деда: приготовил узду и осиновое полено, сел в углу и дожидается, что-то будет. В глухую полночь скрипнула дверь в сенях, и слышались шаги — идет ведьма; только отворила дверь в избу, он тотчас и вымолвил: «Тпру! стой, моя кляча!» Ведьма оборотилась кобылою; солдат зануздав ее, вывел на двор и вскочил верхом. Понесла его кобыла по горам, по долам, по оврагам и все норовит, как бы сбить седока долой; да нет! Солдат твердо сидит да то и дело по голове ее осиновым поленом осаживает; до тех пор угощал ее поленом, покудова с ног сбил, а после накинудся на лежащую, хватил еще разов пять и убил ее до смерти. Стало светать, он домой пришел. «Ну, друг, как твое дело?» — спрашивает старик. «Слава богу, дедушка, убил ее до смерти». — «Ладно! Теперь ложись спать». Солдат лег и заснул крепким сном.

Вечером будит его старик: «Вставай, внучек!» Он встал. «Ну, как же теперь-то? Ведь купеческая дочь померла, так отец ее за тобой приедет — станет звать тебя к себе псалтырь читать над покойницей». — «Что ж, дедушка, идти али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако лучше иди...» — «А коли что случится, куда я денусь?» — «Слушай, внучек! Когда пойдешь к купцу, будет он тебя вином потчевать — ты не пей много, выпей сколько надобно. После того поведет тебя купец в ту комнату, где дочь его во гробу лежит, и запрет тебя на замок; будешь ты псалтырь читать с вечера до полуночи, а в самую полночь вдруг дунет сильный ветер, гробница заколыхается, крышка долой упадет... Вот как эта страсть начнется, ты скорей полезай на печь, забейся в угол и твори потихоньку молитвы; там она тебя не найдет!»

Через полчаса приезжает купец и просит солдата: «Ах, служивый! Ведь у меня дочка померла, почитай над нею псалтырь». Солдат взял псалтырь и поехал в купеческий дом. Купец тому радехонек, сейчас его за стол посадил и давай вином поить. Солдат выпил, сколько ему надобно, а больше не пьет, отказывается. Купец взял его за руку, повел в ту комнату, где мертвая лежала. «Ну, — говорит, — читай псалтырь!» Сам вышел вон, а двери на замок запер. Нечего делать, принялся солдат за псалтырь, читал-читал,

вдруг в самую полночь дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой слетела; солдат поскорей на печь, забился в угол, оградил себя крестом и давай шептать молитвы. Ведьма выскочила из гроба и начала во все стороны кидаться — то туда, то сюда! Набежало к ней нечистых видимо-невидимо — полна изба! «Что ты ищешь?» — «Солдата: вот сейчас читал, да пропал!» Черти бросились в розыски; искали, искали, все закоулки обшарили, стали на печь заглядывать... тут на солдатское счастье петухи закричали: в один миг все черти пропали, а ведьма зря на полу растянулась. Солдат слез с печи, положил ее в гроб, накрыл, как следует, крышкой, и опять за псалтырь.

На рассвете приходит хозяин, отворил двери: «Здравствуй, служивый!» — «Здравия желаю, господин купец!» — «Благополучно ли ночь провел?» — «Слава богу!» — «Вот тебе пятьдесят рублей; приходи, друг, еще ночку почитай!» — «Хорошо, приду!» Воротился солдат домой, лег на лавку и спал до вечера; проснулся и говорит: «Дедушка! Купец велел приходить другую ночь псалтырь почитать; идти али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — то же самое! Однако лучше иди: вина много не пей — выпей сколько надобно; а как ветер дунет, гробница заколыхается — тотчас в печь полезай! Там тебя никто не найдет!» Солдат собрался и пошел к купцу: тот его посадил за стол и давай вином поить; после повел к покойнице и запер дверь на замок. Солдат читал-читал, читал-читал; наступила полночь — дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой упала; он поскорей в печь... Ведьма вскочила и начала метаться; набежало к ней нечистых — полна изба! «Что ты ищешь?» — «Да вот сейчас читал, да с глаз пропал! Найдти не могу...» Черти бросились на печь. «Вот, — говорят, — то место, где он вчера сидел!» — «Место тут, да его нету!» Туда-сюда... вдруг петухи запели — нечистые сгнули, ведьма на пол повалилась.

Солдат отдохнул немного, вылез из печи, положил купеческую дочь в гроб и стал псалтырь читать. Смотрит — уж светает, хозяин идет: «Здравствуй, служивый!» — «Здравия желаю, господин купец!» — «Благополучно ли ночь прошла?» — «Слава богу!» — «Ну, пойдём!» Вывел его из той комнаты, дал сто рублей денег и говорит: «Приходи, пожалуйста, почитай и третью ночь; я тебя не обижу». — «Хорошо, приду!» Воротился солдат домой. «Ну, внучек, что бог дал?» — «Ничего, дедушка! Купец велел еще приходить. Идти али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако лучше иди». — «А коли что случится, куда мне спрятаться?» — «Вот что, внучек: купи-ка себе сковороду и схорони так, чтобы купец не видал; а как придешь к купцу, станет он тебя вином дюже

неволить; ты смотри много не пей, выпей, сколько снести можешь. В полночь, как только зашумит ветер да гробница заколыхается, ты в ту же минуту полезай на печной столб и накройся сковородою; там тебя никто не сыщет!»

Солдат выспался, купил себе сковороду, спрятал ее под шинель и к вечеру пошел на купеческий двор. Купец посадил его за стол и давай вином поить; всячески его просит, улещает. «Нет, — говорит солдат, — будет; я свое выпил, больше не стану». — «Ну, когда не хочешь пить, так ступай псалтырь читать». Привел его купец к мертвой дочери, оставил одного и запер двери. Солдат читал-читал, читал-читал — наступила полночь, дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой упала. Солдат влез на столб, накрылся сковородой, оградился крестом и ждет — что-то будет? Ведьма вскочила, начала всюду метаться; набежало к ней нечистых видимо-невидимо — полна изба! Бросились искать солдата, заглянули в печь. «Вот, — говорят, — место, где он вчера сидел!» — «Место цело, да его нет!» Туда-сюда — нигде не видать! Вот лезет через порог самый старый черт: «Что вы ищите?» — «Солдата; сейчас читал, да с глаз пропал!» — «Эх вы, слепые! А это кто на столбе сидит?» У солдата так сердце и ёкнуло, чуть-чуть наземь не упал! «И то он, — закричали черти, — только как с ним быть? Ведь его достать нельзя!» — «Вот нельзя! Бегите-ка раздобудьте огарок, который не благословясь зажжен был». Вмиг притащили черти огарок, разложили костер у самого столба и запалили; высоко ударило пламя, жарко солдату стало — то ту, то другую ногу под себя поджигает. «Ну, — думает, — смерть моя пришла!» Вдруг на его счастье петухи запели — черти сгнули, ведьма на пол повалилась, солдат соскочил с печного столба и давай огонь тушить. Погасил, убрал все как следует, купеческую дочь в гроб положил, крышкою накрыл и принялся псалтырь читать.

На рассвете приходит купец, прислушивается — жив ли солдат али нет? Услыхал его голос, отворил дверь и говорит: «Здравствуй, служивый!» — «Здравия желаю, господин купец!» — «Благополучно ли ночь провел?» — «Слава богу, ничего худого не видал!» Купец дал ему полтора ста рублей и говорит: «Много ты потрудился, служивый! Потрудись еще: приходи сегодня ночью да свези мою дочку на кладбище». — «Хорошо, приду!» — сказал солдат и бегом домой. «Ну, друг, что бог дал?» — «Слава богу, дедушка, уцелел! Купец просил побывать к нему ночью, отвезти его дочь на кладбище. Идти али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако надо идти; лучше будет». — «Что же мне делать? Научи». — «А вот что! Как придешь к купцу, у него все будет приготовлено.

В десять часов станут с покойницей сродственники прощаться, а после набьют на гроб три железных обруча, поставят его на дроги, в одиннадцать часов велят тебе на кладбище везти. Ты гроб вези, а сам в оба гляди: лопнет один обруч — не бойся, смело сиди; лопнет другой — ты все сиди; а как третий лопнет — сейчас скачи через лошадь да скрозь дугу и беги задом. Сделаешь так, ничего тебе не будет!»

Солдат лег спать, проспал до вечера и отправился к купцу. В десять часов стали с покойницей сродственники прощаться; потом начали железные обручи нагонять; нагнали обручи, поставили гроб на дроги: «Теперь поезжай, служивый, с богом!» Солдат сел на дроги и поехал; сначала вез тихо, а как с глаз уехал, припустил что есть духу. Скачет, а сам все на гроб поглядывает. Лопнул один обруч, за ним другой — ведьма зубами скрипит. «Постой, — кричит, — не уйдешь! Сейчас тебя съем!» — «Нет, голубушка! Солдат — человек казенный; их есть не дозволено». Вот лопнул и последний обруч — солдат через лошадь да скрозь дугу и побежал задом. Ведьма выскочила из гроба и кинулась догонять; напала на солдатский след и по тому следу повернула к лошади, обежала ее кругом, видит, что нет солдата, и опять в погоню. Бежала-бежала, на след напала и опять повернула к лошади... Совсем с толку сбилась, разов десять назад ворочалась; вдруг петухи запели, ведьма так и растянулась на дороге!

Солдат поднял ее, положил в гроб, заколотил крышку и повез на кладбище; привез, свалил гроб в могилу, закидал землею и воротился к купцу. «Все, — говорит, — сделал; бери свою лошадь». Купец увидал солдата и глаза выпучил: «Ну, служивый, я много знаю; об дочери моей и говорить нечего — больно хитра была; а ты, верно, и больше нашего знаешь!» — «Что ж, господин купец, заплати за работу». Купец вынул ему двести рублей; солдат взял, поблагодарил его и пошел угощать свою родню. На том угощенье и я был; дали мне вина корец, моей сказке конец.

4.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, у этого царя был сын. Когда царевич стал на возрасте, отец его женил; но жена его не любила: начинал ли он к своей жене ласкаться, она сейчас его отталкивала. Царевич часто жаловался на нее своему отцу и, наконец, стал с горя проситься по чужим землям странствовать. Отец позволил. Вот он оседлал своего доброго коня и отправился в путь-дорогу; долго ли, коротко ли —

приезжает в одно отдаленное государство. Тамошний царь увидел Ивана-царевича, обласкал его и стал говорить: «Послушай, Иван-царевич, будь мне брат, сослужи мне службу: вызывает меня соседний король на войну, так помоги своей силою!» Иван-царевич не отказался, и, как утро настало, оба они отправились на войну. Иван-царевич побил все неприятельское войско и самого короля в плен взял. После бою, воротившись домой, царь его угостил-употчевал и положил спать на свою постель.

Только царевич улегся и стал засыпать, вдруг прилетела колпица, сняла перья — сделалась девица; будит его, сама приговаривает: «Возлюбленный мой царь! Аль не хочешь для меня проснуться да поговорить со мной? Мой муж Ванька в чистое поле уехал, уж его давно собаки разорвали!» Не успела она речь скончать, как Иван-царевич узнал в ней свою жену, вскочил с постели, махнул мечом и отрубил ей правую руку. Вскрикнула она, обратилась колпицею и улетела домой. Долго ли, коротко ли — воротился Иван-царевич в свое государство и спрашивает: «Где моя жена?» Отец говорит: «Дома». — «А коли дома, пусть ко мне выйдет». Вышла она об одной руке. Иван-царевич рассказал отцу, отчего у ней рука отрублена; тотчас же велел ее на воротах расстрелять, а сам после на другой женился.

5.

Жила-была старуха — страшная колдунья; у нее были дочь да внучка. Пришло время помирать старухе; призывает к себе свою дочь и так наказывает: «Смотри, дочка, как я помру — ты не обмывай мое тело теплою водицею, а возьми котел, вскипяти самого крутого кипятку да тем кипятком и ошпарь всеё меня». После этого полежала колдунья хворую дня два-три и померла. Дочь побежала по суседям с просьбою, чтобы пришли пособить ей обмыть старуху; а в избе осталась одна малая внучка; и видится ей: вылезли вдруг из-под печки два черта — большой да крохотный, подбежали к мертвой колдунье; старый черт схватил ее за ноги, как дернул — сразу всю шкуру сорвал, и говорит чертенку: «Возьми себе мясо, тащи под печку!» Чертенок подхватил мясо в охапку и унес под печь. Оставалась одна старухина шкура; старый черт залез в эту шкуру и лег на том самом месте, где лежала колдунья.

Вот воротилась дочь, привела с собой с десяток баб, и принялись они убирать покойницу. «Мама, — говорит девочка, — а без тебя с бабушки шкуру стащили». — «Что ты врешь?» — «Право, мама! Вылез из-под печки

такой черный-черный, содрал шкуру, да сам в нее и залез». — «Молчи, негодная! Ишь что выдумала!» — закричала старухина дочь, принесла большой котел, налила холодной воды, поставила в печь и нагрела крутого кипятку; потом подняли бабы старуху, положили в корыто, взялись за котел и разом весь кипяток на нее вылили. Черт не вытерпел, выскочил из корыта, бросился в дверь — и пропал совсем со шкурою. Бабы смотрят: что за чудо? Была покойница, да и нет ее! Ни убирать, ни хоронить некого; в глазах черти унесли!

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.